

УДК 82

Симонова Л.А.

Московский государственный областной университет

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В РОМАНЕ СЕНАНКУРА «ОБЕРМАН»

L. Simonova

Moscow State Regional University

ARTISTIC TIME IN SENANCOUR'S NOVEL "OBERMANN"

Аннотация. В статье анализируется образ времени в романе Сенанкура «Оберман», что позволяет прояснить характер повествования и выявить особенность мироощущения героя-рассказчика. Художественное время в романе Сенанкура рассматривается в двух его проявлениях: время существования Обермана и время письма. Время земного бытия определяется в статье как время застывшее, остановленное, указывается на его дискретную природу, прослеживается отсутствие будущего времени, что соответствует состоянию безверия героя, его трагической непричастности вечности. В статье указывается на функциональную роль в романе Сенанкура письма как длящегося времени, что означает преодоление временных разрывов и надежду на духовное возрождение героя.

Ключевые слова: герой, время, воспоминание, будущее, пространство.

Abstract. The paper analyzes the image of time in Senancour's novel "Obermann" which allows to clarify the nature of narration and to reveal features of the story-teller's worldview. Artistic time in the novel of Senancour is considered in two perspectives: the lifetime of Obermann and time of the letter. Time of mundane existence is defined in the article as time that is frozen, stopped, discrete in nature. The absence of future corresponds to a condition of protagonist's disbelief, his tragical detachment from eternity. The functional role of letter in the Senancour's novel is emphasized as it represents lasting time that means overcoming the time gaps and hope of spiritual revival of the protagonist.

Key words: protagonist, time, memories, future, space.

Образ времени в романе Сенанкура «Оберман» (1804) маркирует как характер повествования, так и особенность мироощущения героя. Уже в первом письме героя-рассказчика встречаем: «у меня не было времени», «в решающий момент», «ещё сегодня я не знал» [3, с. 19]. Оберман свидетельствует о роковой зависимости человека от времени. Время расчленяет жизнь человека на до и после, сначала и потом, проводя внутреннюю границу, разделяя человека с самим собой. К тому же время обманчиво: оно дано человеку как обещание, надежда, но оказывается пустым даром, тщетой: «бесполезная череда долгих и мимолётных часов» [3, с. 24]. Не случайно Оберман отказывается мерить время, называя часы «долгими» и одновременно «быстротечными». Таким образом, время воспринимается Оберманом не *его* временем, временем *его жизни*, возможностью, которой он может распоряжаться, но чуждым в его безличности законом миропорядка. Сходная мысль принадлежит Б. Дидье, которая пронизательно замечает, что «опыт Обермана есть главным образом познание времени, горькое познание, так как время прочувствовано в основном как отрицательное и разрушительное» [2, с. 29]. Субъективность же восприятия времени становится доказательством абсолютной относительности всех знаний человека о мире. В художественном мире Сенанкура отсутствуют какая бы то ни было объективная истина, какой бы то ни было предзаданный,

внеположный смысл. Это во многом и объясняет свободную произвольность суждений Обермана. «...Я почувствовал ... что час жизни может стоить года существования, настолько всё относительно в нас и вне нас, и наши несчастья зависят главным образом от нашего перемещения в порядке вещей» [3, с. 30].

В прошлом Оберман силится увидеть недоступный ему идеал: «радость прекрасного неба, забвение мира, свобода пустынь» [3, с. 217]. «Радость прекрасного неба» есть признание власти над человеком первозданной природы, открытость космосу в его сотворённом величии; «забвение мира» говорит о культе одиночества, обретении духовной независимости; «свобода пустынь» – отшельничество, стоическая аскеза, презрение к мирской суете. Такой пейзаж связан с детством. Детские годы – это святое незнание, чистота помыслов и светлая надежда, неискущённость, отсутствие бремени разочарования: «Молодое очарование сердца, которое верит в счастье, которое хочет то, что желает, и не знает жизни! Простота надежды...» Верить, надеяться и желать – вот то, в чём заключён великий дар человеческого бытия, то, что Оберман навсегда утратил. Простота, искреннее доверие миру, отсутствие самоистязающей рефлексии, предчувствие света. Эстетизация природы в духе идиллии подчёркивает искусственность, иллюзорность нарисованной героем-рассказчиком картины детства: «Тишина лесов, чистота вод, натуральные фрукты, интимная привычка...» [3, с. 210]. Такого детства у Обермана никогда не было. Это картина, выдуманная героем, это мечта о детстве, родившаяся в момент письма. Получается, что Оберман в своём воображении моделирует своё прошлое. У него отсутствует аффективная память, всем руководит мысль, определяющая некую тональность, под которую подстраиваются чувства и эмоции в их томительном однообразии. Детство Обермана – это мечта, которой противопоставляется «реальный мир».

Оберман часто пускается в воспоминания. Однако прошлое героя почти ничем не

отличается от настоящего. Воспоминания Обермана лишены светлой, ностальгической тональности. В прошлом Обермана – та же пустота, что и в настоящем: «Мои потерянные дни теснятся позади меня, они заполняют широкое пространство их бесцветными тенями, они нагромождают их ослабленные скелеты, это мрачное подобие надгробного памятника» [3, с. 210]. Прошлое несёт печать смерти, его как бы не существует («воспоминания, источающие долгую смерть» [3, с. 414]). Своё прошлое часто воспринимается Оберманом как чужое: «Прошлое так же чуждо нам, как существование какого-то неизвестного, в нём не остаётся ничего реального» [3, с. 403]). Памяти Обермана не за что «зацепиться», ничто не имеет жизнеопределяющего смысла: «Воспоминания давно прошедших лет, вещей, всегда незначительных, мест, которых вы больше не увидите, людей, которые изменились... чувство утраченной жизни!» [3, с. 137] При этом Оберман проделывает путь, обратный пути прустовского героя. Для него отлившиеся в письмо воспоминания становятся не обретением жизни, но, наоборот, неоспоримым доказательством её утраты, источником скорбных сожалений о бесцельности существования. К тому же время для Обермана – не великий дар бытия, но наказание, непереносимое бремя пустоты, которую нужно заполнять. По отношению к длительности жизни Сенанкур использует два понятия: *remplir* (наполнять) и *consumer* (тратить). Оберман тяготится бесполезностью, бесцельностью своей жизни. Её нужно «наполнить», то есть придать ей смысл. И тут же – не стоит растягивать, длить, расширять время, чреватое скукой, им нужно пользоваться, его нужно «тратить» («Он будет растрчивать таким образом часы, стремясь к добру» [3, с. 133]). Жизнь невозможно понять в её временности: она «быстрая, безвозвратная» и одновременно тягостно долгая.

В «Обермане» создаётся впечатление остановленного времени. Для героя существенно ничего не меняется, нет разрыва

между прошлым и настоящим, нет события, которое кардинальным образом изменило бы его взгляды, повлияло на его мировоззрение. Ребёнком и подростком Оберман уже был заражён разочарованием и поглощён болезненной рефлексией: «Я провёл в пустоте и скуке счастливое время доверия и надежды. Всегда подавленный, страдающий, с пустым и сокрушённым сердцем, я, ещё молодой, приблизился к сожалениям старости» [3, с. 137]. Молодость и старость не противопоставляются, но сближаются в горьком опыте познания. «Цветы жизни» – достаточно распространённая метафора наслаждений, открытых неискушённой, наивной, счастливой в своём ожидании и радости мироприятия юности, – без времени увядают, гибнут. Обермана гнетут бесцельно прожитые годы, пустота, не заполненная ничем. Примечателен эпитет «бесплодные» по отношению к «шагам»: «бесплодные шаги» (*mes pas stériles*) [3, с. 137] – время жизни, ничего после себя не оставляющее, ничего не порождающее, ничего не изменяющее, время, бесполезно растраченное, пугающее небытие.

В мыслях Обермана миру мечты всегда противостоят мир реальный, жестокий и враждебный, приносящий одни разочарования и страдания. Это также находит отражение через категорию времени, которое утрачивает длительность: одно не переходит в другое, не сменяется другим, но одно, мыслящееся как ранее существующее, отменяется другим, более поздним, которое накладывается на предшествующее, заслоняя, «стирая» его образ. Вот пример: «Когда благоприятный час только что внезапно просветлил наше чело, на котором отразилось мимолётное выражение покоя и блаженства, следующий час спешит запечатлеть на нём черты грусти и усталости, морщины, пропитанные горечью, которая навсегда стирает наивную чистоту» [3, с. 210]. Таким образом, то, что было раньше, – мимолётно, его словно бы не было, зато то, что существует теперь, – существует всегда. Обратим внимание на построение синтаксической конструкции. Упоминание о

«наивной чистоте» в конце предложения возвращает в его начало, тем самым замыкается круг, что соответствует остановке времени, когда ничего не изменяется. Царит «всегда» – разочарование и тоска, текст закрепляет ситуацию опустошения. Герой никогда не испытывает чувства обновления, надежды. Его жизнь как бы застывает в неподвижности: «моя утомительная судьба остановилась» [3, с. 211]. Мотив остановленного времени усиливается к концу романа: «время течёт однообразно» [3, с. 212]. Нет никакого движения, изменения, всё повторяется, время становится для Обермана бесполезным даром.

Время для Обермана – это чистая дискретность, лишённая значимости перехода от прошлого к настоящему и не обращённая в будущее. Человек Сенанкура несёт на себе бремя неустроенности мира, что выражается через чувство времени: «Жизнь, которую я влачу, не совсем несчастна, каждый из моих дней вполне терпим, но все вместе они меня угнетают» [3, с. 175]. Если Оберман переживает бытие здесь и сейчас, он находит оправдание жизни в текущем настоящем, воспринимает себя хозяином отдельных мгновений, но время в его последовательном развитии от прошлого к будущему ему не принадлежит, так как не имеет оправдания в конкретно переживаемом моменте, обесмысливается, пугает своей пустотой, своей случайностью, ведь события не объясняют друг друга, не связываются друг с другом. Словами Кьеркегора, Оберман не достигает «полноты времени», когда мгновение оказывается вечностью [3, с. 184]. Именно поэтому Оберман силится преодолеть свою зависимость от времени («Я избегаю настоящего, я совсем не хочу будущего...» [3, с. 208]). Стоический идеал, к которому стремится герой, предполагает высвобождение из-под ига времени. Время – объективная категория, ход времени неподвластен человеку. Чтобы преодолеть его влияние, человек должен убедить себя в возможности владеть и управлять им. В каждый момент времени человек принадлежит настоящему, концентрацией своей воли

он достигает внутреннего покоя, тем самым как бы останавливая время, продлевая сколь возможно настоящее. При этом у человека не должно быть никаких страстей, эмоций. С будущим связаны желания и страх: «Нужно предвидеть случайные события, препятствия, успехи, а это значит – их бояться или на них надеяться. Чтобы делать, нужно хотеть, а хотеть – значит быть зависимым» [3, с. 184]. Подавляя желания и страхи, человек как бы упраздняет для себя будущее, которое перестаёт для него существовать и как возможность, осуществимость. А так как судьба разворачивается во времени, человеку удаётся преодолеть и свою судьбу. Таким образом, человек становится абсолютно свободным. Однако с этим связана опасность зависимости от настоящего. Человек не испытывает никаких страстей и ничего не предпринимает, он дорожит данностью и становится заложником настоящего.

Будущее для Обермана слишком призрачно, иллюзорно, оно постепенно утрачивает своё обаяние: «Их (дней, которые готовят будущее) полные формы и их сверкающие образы многое утратили. Их краски бледнеют: скрытое пространство, которое их приукрашивало небесной милостью в волшебство неопределённости, открывает теперь наготу их призраков, бесплодных и грустных» [3, с. 210]. Манящая, обещающая загадочность будущего оказывается лишь обманом. Это показано через зрительное восприятие: пристальное вглядывание, приближение к наблюдаемому предмету позволяет увидеть его как бы в ином освещении, от которого он утрачивает полноту, яркость, полновесность. Пока будущее скрыто, неопределённо, оно привлекает, как только раскрывается полнее, проявляется чётче – разочаровывает. С будущим, как и с прошлым, у Сенанкура связан мотив смерти: будущее – это «призраки» (*les fantômes*), которые в контексте семантически сближены со «скелетами» [3, 215]. Будущее, как и прошлое, мертво, его нет.

Оберман «заперт» в настоящем («я... полагаюсь только на настоящее» [3, с. 320]), он

мёртв («я на земле как тень, которая здесь блуждает, которая видит и не может ничем обладать» [3, с. 415]), у него нет будущего. Такое отсутствие будущего подчёркнуто также использованием особых форм грамматического времени. Сошлёмся здесь на важные наблюдения над глагольными временами у Сенанкура, сделанные Б. Дидье: «Будущее, которое выражается в форме желательного наклонения не что иное, как возврат к настоящему, которое станет прошлым и уступит место нереальному прошлому. Перевести настоящее, которое одно могло бы нам принадлежать, во время наиболее отменённое, каковым является нереальное прошедшее, – в этом заключён непревзойдённый образец меланхолии и отрицания» [3, с. 43]. Будущее может открыться Оберману только через обретение им веры. Вера есть всегда заглядывание в будущее, приближение к вечному. Вечность для Обермана как для мыслящего героя имеет огромную притягательность, поэтому и появляется мотив смерти (небытия). На какое-то время смерть для Обермана становится манящим идеалом, сулящим освобождение от несовершенства мира. Смерть – последнее откровение о жизни, открывающее всю правду о земном и приближающее к познанию небесного: «Природа дарит иллюзии веры и любви; она приподнимает завесу только в момент, отмеченный смертью, она его не открыла для вас – живите; она её открыла только для меня, моей жизни больше нет» [3, с. 166]. Благодаря введению плана вечности, апелляции к «будущей жизни» героем-рассказчиком обнаруживается бессмысленность земных порядков, принадлежащих преходящему, временному. Однако это требует важного пояснения. Для Обермана обращение к «будущей жизни» есть голая абстракция, чисто интеллектуальное допущение. Для него нет вечности, так как нет и будущего, в противном случае земное существование понималось бы героем как преддверие, предварение жизни небесной, а смерть не была бы разрывом, но переходом, движением от бытия к инобытию. Для Обер-

мана же земное и небесное никак не связаны. Отрицая «настоящий и видимый мир», «мир достоверный», Оберман не приходит и к утверждению мира небесного, таким образом, оказываясь в пустоте. Оберман так и не обретает веры, хотя в тексте можно найти достаточно много косвенных признаний героя в испытываемой им нехватке религиозной веры, потребности в Боге, тоске по Нему как по утраченному закону, ограничивающему человеческое своеволие и возвращающему смысл бытия. Только вера, по убеждению самого героя, открывает человеку будущее, освобождает его из-под власти настоящего, приближает к вечности: «она (вера) нам обещает блага, надежда на которые всегда остаётся», «устраняет идею небытия», «устраняет страсти жизни», «избавляет нас от горьких разочарований, от мимолётных благ» [3, с. 185]. Другими словами, религия дарует утешение и духовный покой, а потому делает человека свободным. Религия, словами Обермана, есть ещё «мечта», которая возвышает человека над всеми жизненными благами. Оберман же утратил веру, кроме того, его останавливает то, что религиозные догмы нельзя рационально объяснить. Поэтому «небесные надежды» и превращаются для него в «мечту смертных» [3, с. 186]. Кроме того, Оберман мыслит не вечностью, но настоящим: «они (люди, и в данном случае нужно иметь в виду и самого героя) хотели бы обессмертить их существование, но они видят, что всё проходит» [3, с. 186]. «Всё проходит» – значит, есть прошлое, но нет будущего, нет вечности. (Однако идея вечности не перестаёт притягивать мысль Обермана. По утверждению Ж. Сенеллера, произведения Сенанкура «вращаются вокруг идеи вечности и желания надежды на счастье» [4, с. 8], Ф. Ван Тъегам считает, что Сенанкур – «открытый противник христианства», однако «глубокое религиозное вдохновение его воодушевляет, а потребность в бесконечности и достоверности его терзает» [5, с. 317]).

Утверждение «всё проходит» опровергается утверждением «ничто не может быть

уничтожено», но этому «неуничтожению» Оберман пытается дать научное объяснение, применяя, например, закон сохранения энергии. Оберман хочет обрести веру, но не может, он сомневается, боясь обмануться, так как для него религиозные идеи недоказуемы, подозрительны в их неразумности. Герой, чьи устремления всегда идеальны, чьи мечты носят абстрактный характер и далеки от конкретного воплощения, подходит к религии, напротив, с прагматической, сугубо материалистической позиции. Недостижимость, неосуществимость, которые привлекают Обермана в идеале, вдруг отпугивают его в религии. «...Идея небесного блаженства заключает в себе самой нечто небесное, это совсем не доказывает, что она не может быть мечтой» [3, с. 187]. Подход Обермана к христианским догматам слишком рассудочен, критичен. Он не может проверить их истинность, а потому видит в них сказку, вымысел. «Этот догмат (имеется в виду бессмертие души), без сомнения, красив и утешителен, но то, что я вижу в нём красивого, то, что я в нём нашёл бы утешительного, не может быть доказано, что не даёт мне даже надежды в это поверить» [3, с. 187]. Однако душа Обермана жаждет чуда: «Я очень хотел бы, чтобы душа человека доброго и несчастного возродилась для вечного счастья» [3, с. 187]. Именно потому, что экзистенциальная свобода без Бога ни к чему не приводит, кроме как к пустоте, у Обермана и появляется ощущение зависимости от некоей необъяснимой, но властной силы, которая управляет его судьбой. Как бы Оберман ни стремился к осмысленному, активному движению, а значит – к жизни, он всегда оказывается в плену у небытия, смерти: «...Порыв замирает, энергия гаснет, – и вот я опять погружён в сон, в котором исчезает моя жизнь» [3, с. 212].

Оберман подозревает о причине своих несчастий, говорит о необходимости веры в «единство всего в вечном порядке» [3, с. 226]. Смерть, уничтожение, безжалостный закон времени, унёсший жизнь бесчисленных поколений, – во многом именно это заставляет

Обермана, вопрошая природу, искать звучание «высшего языка», «живую силу» Бога [3, с. 227]. Однако, что это за сила, насколько она связана с человеком, Оберман так и не знает. Герой Сенанкура обречён на бесконечные поиски. Оберман говорит о преимуществах верующего человека, для которого всё имеет смысл, для которого несчастье есть испытание, которое приближает его к «бесконечному и полному блаженству» [3, с. 300]. Нужно видеть больше того, что открыто зрению на земле, нужно видеть небеса. Хотя высший смысл скрыт от Обермана, он не перестаёт его искать («Я повсюду ищу пути надежды» [3, с. 216]). Решение Обермана стать автором, признание себя творцом художественного слова должны стать оправданием его жизни, и открывает для героя возможность обрете-

ния смысла. Именно благодаря письму для Обермана открывается путь в будущее: «В нашей жизни, постоянном переходе, только одно будущее важно» [3, с. 416]. Письмо становится для героя (как и для самого автора!) возможностью преодоления дискретности времени, надеждой на обретение вечности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кьеркегор С. Страх и трепет. Пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1998. – 384 p.
2. Didier B. Introduction // Senancour. Obermann. Dernier version. – P.: Champion, 2003. – P. 7 - 48.
3. Senancour de. Obermann. – P.: Bibliothèque-Charpentier, 1892. – 432 p.
4. Seneller J. Hommage à Senancour. – P.: Éditions Nizet, 1971. – 197 p.
5. Van Tieghem Ph. Histoire de la littérature française. – P.: Librairie Arthème Fayard, 1953. – 345 p.